

Третья речь. Продолжение описания нового воспитания

Подлинная сущность предложенного мною нового воспитания, как оно было описано мною в прошлой речи, заключалась в том, что это воспитание есть обдуманное и верное искусство образования воспитанника к чистой нравственности. К чистой нравственности, сказал я; нравственность, к которой оно должно воспитывать, предстоит нам как нечто первое, независимое и самостоятельное, живет своей собственной жизнью из себя самой, а вовсе не будет привязана и привита к иному, не нравственному влечению, удовлетворению коего она и служит, как та законосообразность, утвердить которую в питомцах часто стремились прежде. Это воспитание есть обдуманное и верное искусство этого нравственного воспитания, сказал я. Оно идет вперед не без плана и не наудачу, но согласно твердому и хорошо ему известному правилу, и уверено в своем успехе. Его питомец в нужное время выходит из его школы подобно прочному и неизменному шедевру этого искусства, который и не может идти иначе, нежели как он был наставлен этим воспитанием, и который не нуждается более ни в каких подспорьях, но идет вперед сам собою, по собственному своему закону.

Хотя это воспитание образует и дух своего питомца; и это образование духа даже составляет в нем то первое, с чего оно начинает дело. И все же это духовное развитие не есть его первостепенная и самостоятельная цель, но лишь обуславливающее средство для сообщения питомцу нравственного воспитания. Между тем и это, приобретаемое лишь между делом, образование духа остается в жизни питомца его неистребимым достоянием и вечно горящим маяком для его нравственной любви. Сколь бы велика, или сколь ничтожна ни была сумма познаний, которую передаст ему воспитание: но во всяком случае оно сообщит ему дух, который во всю его жизнь способен будет постичь любую истину, познать которую ему понадобится, и который так же точно останется неизменно готов учиться у других, как и неизменно способен мыслить самостоятельно.

До этих пор дошли мы с Вами в прошлой речи в описании этого нового воспитания. В конце этой речи мы заметили, что при всех этих свойствах своих оно все же еще не закончено, но должно решить еще и другую задачу, отличную от описанной нами до сих пор; и теперь мы переходим к тому, чтобы более точно обозначить эту задачу.

Ведь питомец этого воспитания есть не только член человеческого общества здесь на земле, и на недолгий срок жизни, которую ему дано прожить на этой земле; он есть также, –

и воспитание, без сомнения, также признает его в этом достоинстве, – звено в вечной цепи духовной жизни вообще, и подлежит высшему общественному порядку. Образование, взявшееся охватить все его существо, без сомнения, должно направить его также к познанию этого высшего порядка, и как оно руководило им в том, чтобы предначертать себе собственную своей самодеятельностью образ того нравственного миропорядка, который никогда не есть, но вечно должен быть, так же точно оно должно руководить им и в том, чтобы предначертать в своей мысли собственную своей самодеятельностью образ того сверхчувственного миропорядка, в котором ничто не становится и который сам также никогда не становится, но вечно лишь есть – начертать с той же самодеятельностью и так именно, чтобы он с совершенной ясностью понял и постиг, что иначе это и быть не может. Если им руководить правильно, он доведет до конца свои попытки начертать себе подобный образ, и в этом конце найдет, что поистине не существует ничего, кроме жизни, а именно – духовной жизни, живущей в мысли; и что все прочее не существует поистине, но лишь кажется существующим, и возникающее из мысли основание этой кажимости он при этом также постигнет, пусть даже только в общих чертах. Он поймет, далее, что эта единственно подлинно существующая духовная жизнь, – в ее многообразных обличьях, данных ей не силою случая, но по некоторому закону, основание которого заключено в самом Боге, – есть в свою очередь лишь Одна, именно – сама божественная жизнь, каковая божественная жизнь только и существует и извещается в живой мысли. Так он научится познавать и чтить свою жизнь как вечное звено в цепи откровения божественной жизни, и всякую другую духовную жизнь как такое же точно звено, и будет находить жизнь и свет и блаженство лишь в непосредственном касании Божества, и ничем не опосредованном истечении его жизни из Бога, а во всяком удалении из этой непосредственности видеть смерть, мрак и несчастье. Одним словом, это развитие образует в нем религию; и эта религия сопребывания нашей жизни в Боге⁹ должна, разумеется, господствовать в новое время, а потому ее надлежит старательно образовывать в эту эпоху. Религия же старого времени, отделявшая духовную жизнь от жизни божественной и умевшая придать первой некоторое абсолютное существование только посредством отпадения ее от божественной жизни, – отпадения, которое она примыслила этой духовной жизни, – и нуждавшаяся в Боге как в путеводной нити, чтобы после смерти бренного тела ввести эгоизм еще и в иные миры, и страхом и надеждой усилить в этих иных мирах эгоизм, оказавшийся слишком слабым для этого мира, – эта религия, бывшая, как всем ясно, служанкой эгоизма, должна быть, разумеется, погребена вместе с самим старым временем. Ибо в новое время вечность начинается не за гробом, но вступает в само настоящее, а эгоизм ныне уволен в отставку и из полка, и из войска, а потому уведет с собою и свою прислугу.

Воспитание подлинной религии есть, стало быть, последняя задача нового воспитания. Был ли питомец вполне самодеятелен, когда начертывал необходимый для такой религии образ сверхчувственного миропорядка, во всем ли правилен, и вполне ли ясен и понятен начертанный в его душе образ – это воспитание легко сможет оценить таким же образом, как и в отношении всех прочих предметов познания; ибо это также остается в области познания.

Но и здесь также более важен вопрос о том, как воспитание сможет оценить и удостовериться, что эти религиозные сведения не останутся мертвыми и холодными, но что действительная жизнь питомца будет их выражением? А этому вопросу нужно предпослать

ответ на другой вопрос: как и каким образом религия вообще проявляется в жизни?

Непосредственно, в повседневной жизни и в благоустроенном обществе, для образования жизни религии вовсе не требуется, но для этих целей совершенно достаточно подлинной нравственности. В этом отношении, следовательно, религия не является практической, и она не может и не обязана становиться практической, но остается только познанием: Она всего лишь делает человека совершенно ясным и понятным для себя самого, отвечает на высший вопрос, какой он только может задавать, разрешает для него последнее противоречие и тем вносит в его разум совершенное единство с самим собою и всеобъемлющую ясность. Она есть его полное избавление и освобождение от всех посторонних уз; а в этом качестве воспитание и должно дать ему религию, как нечто такое, что ему безусловно и без всякой дальнейшей цели должно принадлежать. Религия получает такую область, в которой она должна действовать как мотив воли, только или в крайне безнравственном и испорченном обществе, или же там, где сфера действия человека находится не в пределах общественного порядка, но за его пределами и должна, скорее, непрестанно вновь создавать и поддерживать этот порядок, как то бывает у правителя, который во многих случаях совершенно не может добросовестно исполнять своей службы без религии. Когда мы говорим о всеобщем и рассчитанном на целую нацию воспитании, то о последнем случае речь идти не может. Там, где в первом отношении, вполне ясно постигая разумом неисправимость эпохи, тем не менее все же продолжают неустанно трудиться над ее исправлением; там, где мужественно выносят труд и пот посева без какой-либо надежды на урожай; где благотворят даже неблагодарным, и благословляют дарами и поступками проклинаящих нас, и предвидя со всею ясностью, что они вновь станут проклинать; там побуждает к этому не одна лишь нравственность, ибо нравственность желает некоторой цели, но только религия – самоотверженная преданность высшему закону, нам неизвестному, смиренная немота пред Богом, сердечная любовь к Его зародившейся в нас жизни, которую только и нужно спасать и спасать ради нее самой, там, где наш глаз не видит ничего иного достойного спасения.

Таким образом, религиозное ведение, полученное питомцами нового воспитания, не может, да и не должно, становиться практическим в том их малом общежитии, в котором они первое время росли. Это общежитие благоустроено, и в нем умело начатое всегда увенчается успехом; а к тому же в этом, еще нежном возрасте, в человеке нужно сберечь его непосредственность и спокойную веру в человеческий род. Познание его козней и коварства пусть придет на собственном опыте, в зрелом и устоявшемся возрасте жизни.

А потому лишь в этом более зрелом возрасте, и в жизни в серьезном смысле слова, когда воспитание давно уже предоставит его себе самому, могут пригодиться питомцу этого воспитания полученные им религиозные сведения как мотив воли, в случае, если его положение в обществе возвысится от первоначальной простоты до более высоких ступеней. Как же теперь воспитание, которое не может испытать питомца в этом предмете, пока тот остается в его руках, может быть тем не менее уверено, что, стоит только явиться подобной потребности, этот мотив тоже непременно подействует? Я отвечаю: потому, что его питомец вообще образован таким, что никакое имеющееся у него познание не остается в нем мертвым и холодным, если оказывается возможность придать ему жизни, но каждое необходимо тут же вторгается в жизнь, как только оно потребуется для жизни. Сейчас я

намерен еще глубже обосновать это утверждение и тем самым возвысить все то понятие, о котором мы говорили с Вами в этой и прошлой речи, и включить его в более обширную целокупность познания. Это понятие прольет новый свет и придаст больше ясности самой этой обширной целокупности познания, после того как я укажу Вам сперва со всей определенностью подлинную сущность нового воспитания, общее описание которого мною было только что завершено.

Это воспитание уже не представляется нам, как в начале нашей сегодняшней речи, просто как искусство образования в питомце чистой нравственности, но нам становится совершенно ясно, что оно есть искусство образования всего человека, вполне и совершенно как человека. Для этого необходимы два основных элемента: во-первых, относительно формы – чтобы в образовании возникал действительный живой человек, вплоть до самых корней его жизни, а вовсе не одна лишь тень и схема человека; а затем, относительно содержания – чтобы образование сообщалось всем необходимым элементам человека равномерно и без исключения. Эти элементы – разум и воля; и воспитание должно иметь в виду, как свою цель, ясность первого и чистоту второй. Но, чтобы достичь ясности разума, нужно поставить два вопроса: Во-первых, чего именно желает в сущности чистая воля, и какими средствами этого желаемого можно достичь? Этот основной элемент включает все прочие познания, которые мы должны сообщить питомцу. И во-вторых, что такое сама эта чистая воля в ее существе и основании? Этот вопрос включает познание религии. И вот этих, названных теперь элементов, которые были бы развиты вплоть до вмешательства их в жизнь, воспитание требует безусловно и не намерено увольнять кого бы то ни было даже и от малейшей части их – ибо каждый должен именно быть человеком. Чем кто-то станет еще кроме этого, и какой особенный облик примет или получит в нем всеобщая человечность, – об этом общее воспитание нисколько не беспокоится, и это находится за пределами сферы воспитания. Теперь я перейду к обещанному мною выше более глубокому обоснованию того положения, что в питомце нового воспитания ни одно познание не может остаться мертвым, и к выяснению той взаимосвязи, в которую я намерен возвысить все мною сказанное, и этот переход я совершу через посредство следующих положений.

1). Вследствие вышесказанного, существует два совершенно различных и друг другу полностью противоположных класса людей в отношении их образования. Прежде всего, все существа, что носят имя человека (а значит и эти два класса людей), равны друг с другом в том, что в основе многообразных проявлений их жизни лежит влечение, пребывающее неизменным во всех переменах и остающееся всегда тождественным себе самому. – Заметим здесь между прочим: когда это влечение понимает само себя и переводит это понимание себя в понятия, рождается мир, и нет иного мира, кроме этого, рождающегося именно таким образом в мысли (однако отнюдь не свободной, но необходимой мысли). Это влечение, неизменно подлежащее переводу в некоторое сознание (и в этом оба класса людей опять-таки равны друг с другом), может быть переведено в такое сознание двояким образом, соответственно двум различным основным видам сознания, и этим способом перевода и понимания самого себя эти два класса и различаются.

Первый основной вид сознания, во времени развивающийся раньше всех – это сознание смутного чувства. Это чувство, всего обыкновеннее и как правило, постигает основное влечение как любовь индивида к себе самому, причем смутное чувство дает нам эту самость

поначалу лишь как такую, которая хочет жить и благоденствовать. Отсюда возникает чувственный эгоизм, как действительный основной мотив и сила развития подобной жизни, приверженной такому переводу своего изначального основного влечения. Пока человек продолжает понимать себя таким именно образом, до тех пор он вынужден действовать эгоистически, и иначе поступать не может; а этот эгоизм есть тогда единственное пребывающее, тождественное себе и наверно ожидаемое содержание в непрерывных переменах его жизни. В виде чрезвычайно редкого исключения из правила, это смутное чувство может и выскочить за границы личной самости и постичь в таком случае основное влечение как тоску по смутно чувствуемому иному порядку вещей. Отсюда возникает жизнь, которую мы достаточно полно описали в другом месте, которой, возвысившейся над эгоизмом, движут идеи, – хотя смутные, но все же идеи, – и которой правит разум как инстинкт. Это постижение основного влечения вообще только смутным чувством составляет основную черту первого класса людей, который образуется не воспитанием, но сам собою, и каковой класс в свою очередь включает два подвида, разделяемых непостижимым, человеческому искусству решительно недоступным основанием¹⁰.

Второй основной вид сознания, который, как правило, не развивается сам собою, но должен быть тщательно выпестован в обществе, это ясное познание. Если бы основное влечение человечности постигалось в этой стихии, то это давало бы нам второй класс людей, совершенно отличный от первого. Подобное познание, обращающееся и на саму основную любовь человека, не оставляет его, как то очень даже может быть при познаниях иного рода, холодным и безучастным, но предмет такого познания мы любим больше всего на свете, ибо ведь предмет этот есть лишь истолкование и перевод самой нашей изначальной любви. Другое познание обращается на чуждое нам, и оно остается чужим и оставляет нас холодными; это познание обращено на самого познающего и его любовь, и он любит его. Несмотря на то, что обоими классами людей движет одна и та же изначальная любовь, только являющаяся в разных обличьях, – мы все же можем сказать, отвлекаясь от этого обстоятельства, что там человеком движут смутные чувства, здесь же – ясное познание.

Станет ли подобное ясное познание непосредственной мотивирующей силой в жизни, и можем ли мы уверенно рассчитывать на то, что так и будет, – это, как мы сказали, зависит от того, чтобы это познание истолковало человеку именно его действительную и подлинную любовь и чтобы ему стало также непосредственно ясно, что это именно так, и одновременно с истолкованием в нем пробудилось и дало себя знать чувство этой любви, чтобы поэтому в нем никогда не развивали познание, не развивая в нем в то же самое время любви, – ибо в противном случае он останется холоден к такому познанию, – и никогда не пробуждалась в нем любовь, которой бы не сопутствовало развитие познания, – ибо в противном случае его мотив обратился бы в смутное чувство; чтобы поэтому каждый шаг его образования образовывал в нем цельного единого человека. Человек, которого воспитание видит именно таким, как некое неделимое целое, останется таким и впоследствии, и всякое познание необходимо станет для него живым мотивом.

2). И если, вместо смутного чувства, мы сделаем самым первым в человеке, подлинной основой и исходным пунктом его жизни ясное познание, то тем самым мы совершенно минуем эгоизм и перехитрим его, не дав ему даже развиться. Ибо только смутное чувство дает человеку его самость как такую, которая нуждается в удовольствии и боится боли; но

ясное понятие дает ему совсем иную самость, оно показывает ему его самость как звено нравственного миропорядка, и есть любовь к этому порядку, которая воспламеняется в нем и развивается одновременно с развитием этого понятия. С эгоизмом это воспитание не имеет решительно ничего общего, потому что оно подавляет ясностью познания самый корень эгоизма – смутное чувство; оно не оспаривает его и не развивает его – оно ничего о нем не ведает. Если бы возможно было этой страсти все-таки пробудиться в сердце впоследствии, она нашла бы сердце преисполненным высшей любви, так что ей не осталось бы места.

3). Это основное влечение человека, когда оно переводится в ясное познание, обращается не на данный и наличный уже мир, который ведь мы можем принимать только пассивно, таким, как он есть, и в котором любовь, побуждающая нас к изначально-творческой деятельности, не нашла бы себе области приложения; но это влечение, усиленное до познания, обращается на мир, который должен быть, априорный мир, такой, который есть будущий мир и вовеки остается будущим. Поэтому божественная жизнь, лежащая в основе всех явлений, никогда не вступает в мир как пребывающее и данное бытие, но лишь как нечто такое, что должно быть, и после того как станет в мире подобное нечто, которое должно было быть, она опять вступает в мир как то, что должно быть, и так продолжается вечно. Поэтому эта божественная жизнь никогда не вступает в смерть пребывающего бытия, но всегда остается в форме вечно текущей жизни. Непосредственное явление и откровение Бога есть любовь; только истолкование этой любви в познании предполагает бытие, причем такое, которое вовек лишь должно быть, и предполагает это бытие как единственно истинный мир, насколько вообще в мире может быть истина. Второй же, данный и находимый нами в этом качестве данного мир есть лишь тень и схема, из которого познание созидает прочный облик и зримую плоть своему истолкованию любви; этот второй мир есть средство и условие наглядной данности высшего мира, который сам по себе невидим. Бог не вступает непосредственно даже и в этот последний, высший, мир, но и здесь это его явление всегда опосредуется единой, чистой, неизменной и не имеющей вида любовью, в каковой любви он только и является непосредственно. К этой любви прибавляется созерцающее познание, дающее из самого себя тот образ, в который оно облакает, сам по себе невидимый, предмет любви; однако любовь всякий раз оспаривает его, и потому увлекает его все к новым обличьям, но и их опять-таки любовь так же точно принять не может. И только поэтому любовь, которая сама по себе Одна и вовсе не знает текучести, вечности и бесконечности, также становится в этом своем слиянии с созерцанием вечной и бесконечной, подобно ему. Упомянутый мною только что образ, заимствованный из познания, – если рассматривать его сам по себе, еще не применяя его к отчетливо постигнутой любви, – есть пребывающий и данный мир, или природа. Иллюзия, будто в эту природу каким-либо образом непосредственно, и не через посредство указанных промежуточных звеньев, вступает сущность Божества, возникает от помрачения духа и не святости воли.

4). И вот, чтобы смутное чувство, как вызывающее любовь средство, совершенно и как правило миновали, чтобы на его место встало ясное познание, и чтобы именно оно уже вызывало отныне обыкновенно любовь человека, – этого, как мы уже упоминали, можно добиться лишь с помощью обдуманного искусства воспитания человека, а этого до сих пор не происходило. Поскольку же, как увидим, этим последним способом создается род людей,

совершенно отличный от обычных людей прежнего времени, и именно его полагают теперь правилом воспитания, такое воспитание, разумеется, послужит началом совершенно новому порядку вещей и новому творению. Человечество само создаст себя самое в этом новом облике, именно тем, что само, старанием нынешнего поколения, станет воспитывать себя, как будущее поколение, таким именно образом, как оно только и может это сделать: через посредство познания, – того единственного, что обще всем и всем свободно сообщается, и что есть подлинно воздух и свет духовного мира, связующий этот духовный мир в единство. До сих пор человечество становилось тем, чем оно становилось и стать могло. Этому случайному становлению пришел конец. Ибо там, где развитие человечества пошло всего дальше, там человечество обратилось в совершенное ничтожество. Если оно не должно остаться в этом ничтоестве, то ему надлежит отныне самому сделать себя всем, чем оно еще должно стать. Подлинное назначение человеческого рода на земле, – как я сказал в чтениях, которым эти речи служат продолжением, – заключается в том, чтобы свободно сделать себя тем, чем оно, в сущности, является изначально¹¹. И вот это самосозидание, совершающееся в общем обдуманно и согласно некоторому правилу, должно однажды начаться где-нибудь и когда-нибудь в пространстве и времени, и тогда вместо первого раздела несвободного развития человеческого рода наступит второй раздел – свободного и обдуманного его развития. Мы полагаем, что в отношении времени это время настало именно теперь, и что ныне человечество стоит поистине в середине своей жизни на земле – между двумя основными эпохами своей истории. В отношении же пространства мы полагаем, что немцам, прежде всех прочих, следует вменить в обязанность начать собою новое время, предвосхищая и прообразуя его собою для всех прочих народов.

5). Однако даже и это совершенно новое творение совершится не каким-нибудь скачком из прежнего творения, но будет подлинно естественным продолжением и следствием прежнего времени, в особенности среди немцев. Ведь все стремления и побуждения нашего времени были явно и, я думаю, вполне общепризнанно направлены к тому, чтобы изгнать из жизни смутные чувства и утвердить господство только ясности и познания. И это стремление вполне достигло желаемого, поскольку оно вполне обнаружило перед всеми прежнее ничтожество. Это влечение к ясности теперь отнюдь не следует искоренять, и тупое пребывание в смутных чувствах не должно опять добиться господства; это влечение следует только развить еще более и ввести его в высшие сферы, так чтобы после разоблачения ничточества для всех стало столь же очевидно и нечто, – утверждающая и действительно нечто полагающая истина. Возникающий из смутного чувства мир данного и собственной силой себя создающего бытия погиб, и должен погибнуть; возникающий же из изначальной ясности мир вечно рождающегося в духе бытия должен воссиять и явиться во всем своем блеске.

Пусть пророчество о новой жизни в подобной форме покажется в наше время странным, и наше время едва ли найдет в себе смелость усвоить это предсказание, если только заметит громадную дистанцию, которая отделяет господствующие в нем мнения о только что названных мною предметах от того, что мы выразили здесь как принципы нового времени. Не буду говорить, как об очевидно худшем, о том образовании, которое однако получали до сих пор, как правило, только высшие сословия, словно некую оберегаемую от простонародья привилегию, и которое совершенно умалчивало о сверхчувственном мире и стремилось развить в учениках только некоторую ловкость в делах мира чувственного. Рассмотрю лишь

то воспитание, которое было образованием народа, и которое в известном, весьма ограниченном, смысле можно было бы назвать и национальным воспитанием, которое не вовсе хранило молчание о сверхчувственном мире. Каковы были учения, сообщаемые этим воспитанием? Если мы утверждаем здесь, что первейшая предпосылка нового воспитания заключается в том, чтобы в самом корне человека было утверждено чистое благорасположение к добру, и чтобы это благорасположение можно было развить в нем настолько, что для человека будет невозможно не делать того, что он признал добрым, и вместо того делать то, что он признал злом; то прежнее воспитание не просто предполагало, но и самой ранней юности поучало своих питомцев, отчасти, что человеку присуще естественное отвращение к исполнению заповедей Божиих, а отчасти, что исполнить их ему абсолютно невозможно. И если теперь каждый смирится со своей природой, раз уж с ней ничего нельзя поделать, не пытается сделать то, что, как ему объяснили, для него невозможно, и не желает быть лучше, чем он все прочие быть способны; и если он даже доволен собой в этой приписываемой ему низости, признает сам себя в своей радикальной греховности по природе дурным, коль скоро эту подлость пред Богом ему представляют как единственное средство примирения с Богом, – и если там, где достигнет его слуха утверждение, подобное нашему, он не может подумать ничего иного, кроме того, что говорящий хочет просто неудачно пошутить, потому что и он тоже во всякое время чувствует в душе и с наглядностью ощущает, что это неправда и что единственно истинно противоположное утверждение, – то чего же еще можно ожидать от подобных поучений, если только ученики принимают их всерьез и вполне им верят? Если мы допускаем, что существует познание, совершенно независимое от всякого данного бытия и само дающее закон этому бытию, и если мы хотим погрузить в это познание каждое человеческое дитя с самого же начала, и постоянно удерживать его отныне в области этого познания, свойства же вещей, подлежащие сугубо историческому заучиванию, рассматриваем как нечто маловажное и второстепенное, что приходит само собою, – перед нами выступают самые спелые плоды прежнего воспитания и напоминают нам, что ведь, как всем известно, никакого априорного познания вовсе нет, и что они бы очень хотели узнать, как же это можно познавать иначе чем на опыте. А чтобы этот сверхчувственный и априорный мир не обнаружился даже и в том месте, где проявления его, казалось, никак невозможно избежать, – в возможности познания о Боге, и чтобы духовная самостоятельность не возвышалась даже и к Богу, но везде и повсюду была все та же пассивная преданность – прежнее образование людей изобрело против этой угрозы рискованное средство: оно превратило бытие Божие в исторический факт, истина которого устанавливается путем допроса свидетелей.

И правда, все это действительно так; однако пусть наша эпоха из-за этого не впадает в отчаяние о своем будущем. Ибо сами эти явления, как и все прочие подобные им, не суть нечто самостоятельное, но суть лишь цветы и плоды дикорастущего корня прежнего времени. Пусть только эпоха спокойно даст привить себе новый корень, более благородный и могучий, чем прежний, – и старый корень умрет, а цветы его и плоды, которым от него уже не будет поступать питательных соков, сами собою увянут и опадут. Теперь эпоха еще вовсе не способна поверить нашим словам, и они, совершенно необходимо, представляются ей пустыми сказками. Да мы и не хотим, чтобы она нам поверила; мы хотим себе только простора для творчества и действия. Впоследствии она увидит – и тогда поверит собственным своим глазам.

Так, например, кто-нибудь, кто знаком с изделиями последнего времени, давно уже, вероятно, заметил, что здесь мы вновь высказываем положения и воззрения, которые проповедовала, и все проповедовала, новейшая немецкая философия с самого своего возникновения, ибо она именно ничего больше не умела, как проповедовать. Теперь уже достаточно ясно, что эти проповеди отзвучали и затихли в пустоте, не принеся плода, как ясно и то, почему они должны были умолкнуть столь бесплодно. Живое может воздействовать лишь на живое; но действительная жизнь нашего времени ни в чем не сродна этой философии, – ведь эта философия подвизается в такой сфере, которой нашему времени еще вовсе не открылся, и требует органов чувств, которые у этого времени еще просто не выросли. В этой эпохе она совсем не дома, она – предвосхищение времени и уже заранее готовая стихия жизни поколения, которое должно увидеть свет дня лишь в этой стихии. От нынешнего поколения она должна отречься, но чтобы до этих пор она не оставалась без дела, пусть она возьмет на себя задачу образования того поколения, к которому она принадлежит. Лишь когда она уяснит себе это свое ближайшее занятие, она сможет мирно и дружественно сосуществовать с поколением, которое ей, вообще-то, не нравится. Воспитание, которое мы до сих пор описывали, есть в то же время и воспитание к этой философии; а в известном смысле, только она может быть воспитательницей в этом воспитании; и таким образом, ей приходится опережать свою собственную понятность и приемлемость. Но придет время, когда ее поймут и с радостью примут; и потому пусть наша эпоха не впадает в отчаяние о своем будущем.

Пусть эта эпоха услышит слово о видении древнего пророка, видении, подразумевающим, конечно, не менее прискорбное положение человечества. Так говорит провидец у потока Ховар, утешитель пленных не в своей, а в чужой стране: «Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом, и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, – и обвел меня кругом около них, и вот, весьма много их на поверхности поля, и вот, они весьма сухи. И сказал мне: сын человеческий! Оживут ли кости сии? Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это. И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: «кости сухие! Слушайте слово Господне». Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами и выращу на вас плоть, и покрою вас кожей и введу в вас дух, – и оживете, и узнаете, что Я – Господь. Я изрек пророчество, как повелено было мне: и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них. Тогда сказал Он мне: изреки пророчество духу, изреки пророчество, сын человеческий, и скажи духу: так говорит Господь Бог: от четырех ветров приди дух, и дохни на этих убитых, и они оживут. И я изрек пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои – весьма, весьма великое полчище»¹². Пусть элементы нашей высшей духовной жизни лежат вокруг, такие же иссохшие, и потому именно узы нашего национального единства, разорванные, в диком беспорядке и как попало разбросаны вокруг нас, подобно мертвым костям у пророка: пусть за многие столетия они побелели и совсем иссохли под бурями, ливнями и жгучими лучами солнца; но все еще веет на них живительное дуновение духовного мира. Проникнет оно и мертвые останки нашего национального тела, и сдвинет их воедино, и величаво восстанут они к новой и просветленной жизни.

Зверобой обновил 13 апреля 2025 13:19:22